

СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВ

ШЕРЛОК ХОЛМС
МЦЕНСКОГО
УЕЗДА

Москва

*Все события цикла вымышлены.
Любые совпадения, аналогии, сходства
являются случайными и не несут
никакого злого умысла*

Пролог

Мценск, июнь 1881 года

Лето уже окончательно и бесповоротно вступило в свои права, и даже к вечеру, когда солнце уже давно село, держалась та самая духота, которая выматывала в течение всего такого длинного и наполненного событиями дня. В гомон обычных и привычных звуков типичного уездного городка резко со стороны вокзала, одной из местных достопримечательностей, ворвался залиvistый свисток отходящего поезда.

Идущий чуть в стороне прилично одетый в недорогой, но неплохо скроенный костюм пожилой мужчина демонстративно достал из кармана в жилетке часы-луковку на серебряной цепочке, щелкнул крышкой и пробормотал:

— Вот шельмецы, опять опаздывают...

Бросив на него мимолетный взгляд, молодая девушка в простом скромном платье быстро и профессионально оценила человека и, занеся в список неинтересных и не опасных, тут же переключила свое внимание на других людей, которые в этот вечерний час двигались по своим делам по одной из центральных улиц Мценска.

Вот в коляске, управляемой усатым возницей, грозно покрикивающим на прохожих, проехала дородная матрона-купчиха, всем своим напыщенным видом стараясь показать богатство и то, как она относится к этим простым смертным. Но у большинства эта картина вызывала просто улыбки, а где-то и презрительные взгляды. Все-таки

Мценск городок не большой и почти все и так друг друга знают, и вот такое демонстративное позерство вчерашней мещанки, удачно окружившей вдового пожилого купца, уже было привычным и неинтересным.

Девушка миновала еще несколько домов, ловя на себе заинтересованные взгляды молодых мужчин, и подошла к красиво украшенной витрине кондитерского магазина. Она скорее уже по привычке еще раз бросила взгляд в сторону, откуда только что пришла. Хм, этого человека она видела за последний час второй раз, и это уже вызвало настоятельность. Молодой крепкий парень с явно выраженной военной выправкой с характерным чубом, выбивающимся из-под козырька простого картуза, одетого чуть-чуть набок, как это принято у казаков. Она чуть успокоилась, ну или пыталась сама себя успокоить.

«Военный, точно, из казаков», — опять быстро и беспристрастно констатировала она, но и это успокоило. Те, кого она опасалась, шпики департамента государственной полиции, действовали совершенно по-иному, и их слежку часто не удавалось обнаружить до самого момента, когда наваливались толпой и вязали руки. Но тех, кто из этого грозного учреждения в данный момент работал в этом городе, она знала не только в лицо, но и по именам и не опасалась, но привычка проверяться на наличие слежки у нее осталась. Вот этот парень и привлек ее внимание. Может, кто-то из местных ее взял под наблюдение, но вроде пока ни причин, ни предпосылок для этого не было.

Парень, в этот момент покупавший с лотка у уличного торговца какой-то пирожок, наверно почувствовав взгляд девушки, удивленно повернулся и поднял брови, что выглядело довольно комично, и, не скрываясь, осмотрел ее с ног до головы оценивающим взглядом.

«Точно казачина», — с неприязнью подумала девушка, отвернувшись от назойливого мужлана, который явно переоценивал свои мужские достоинства. Она прошла еще один квартал, привычно оглянувшись и не увидев ничего настораживающего, решительно зашла в цирюльню, где

у нее должна была состояться встреча с нужным ей человеком, этническим поляком, который давно и трепетно сочувствовал их великому делу и при необходимости пока выполнял мелкие поручения. Звонко брякнул дверной колокольчик, извещающий, что в помещение вошел посетитель, и буквально через несколько мгновений из-за ширмы показался молодой куафер, который с натренированной улыбкой и угодливым выражением лица на чисто русском проговорил:

— Прекрасная госпожа, чем могу быть полезным?

Девушка, с иронической улыбкой глянув в глаза этому прилизанному типчику, напомнившему ей сразу большого раскормленного крысенюша, сразу вызвавшего у нее стойкую антипатию, коротко спросила:

— Меня интересует французская прическа.

Это была кодовая фраза, и глаза куафера сразу поменялись. Из приторно-угодливого крысюка он почти мгновенно преобразился в зверя, каким он, наверно, внутри и был. И тут девушка напряглась, ощутив эти изменения.

— Госпожа предпочитает стрижку с покраской волос?

— Это был тоже оговоренный вопрос.

— Нет, только стрижка и завивка. Если мне понравится, завтра попробуем подкраситься хной.

— Великолепно, рыжий цвет вам будет очень к лицу.

Куафер заметно расслабился, когда правильно без ошибок прозвучали все положенные вопросы и ответы.

— Медея?

— Да.

— Ваши люди вас ждут, пройдемте.

Он сделал шаг к входной двери. Внимательно осмотрел улицу на предмет наблюдателей, накинул задвижку и повесил табличку, что он отлучился и будет в течение полчаса.

Они быстро зашли в смежную комнатку, откуда был выход на другую улицу. Это помещение, видимо, использовалось для кратковременного отдыха и для опытов с химией, о чем говорило множество всяких склянок, пробир-

рок, заполненных разнообразными веществами. Девушку чуть передернуло от недавних воспоминаний — ее жених тоже увлекался химией и погиб при попытке сделать для святого дела борьбы с русским царем очередную большую бомбу. Но он что-то не рассчитал и подорвался, унеся с собой семьи нескольких несчастных бедняков, что ютились в этом же бараке на окраине Варшавы.

На топчане сидели и терпеливо ждали бойцы ее маленькой группы, которые почти синхронно встали при ее появлении.

— Агнешка, — довольно улыбнулся, высокий и плечистый черноволосый Вацлав, чем-то напоминавший цыгана. Он после смерти ее Збигнева взял что-то вроде шефства, ну и конечно, в будущем претендовал на ее внимание. Ей это льстило, но слишком много было крови на руках у Вацлава, и слишком уж он легко пускал в ход и нож и револьвер, это ее немного пугало.

Простоватый, наивный и улыбчивый светловолосый Адам, открыто смотрящий своими голубыми глазами на мир, он, наверно, еще окончательно не осознал, что в мире много зла, и ему очень скоро придется во все это окунуться. Ну и конечно, невысокий, юркий тихоня Константин, мастер слежки и точных, четких неожиданных ударов в спину. Он почти всегда оставался в тени своих более ярких соратников, но при этом был, наверно, самым опасным и смертоносным в этой группе. Именно он, по заданию их благодетеля, убил ту самую девушку, место которой она занимает в данный момент.

— Ну как ты? Как с царскими шпиками работать? — участливо спросил Вацлав.

Она чуть поморщилась.

— Познавательное, но все время приходится быть настороже. Эти люди очень неглупы и их не стоит недооценивать.

Вацлав усмехнулся, и на лице его явно проступило что-то презрительно-покровительственное, и девушка с трудом сдержалась, чтобы не высказать своему соратнику

недовольство. Она просто сделала вывод о том, что этот мужчина очень много потерял в ее глазах и в дальнейшем с ним не стоит строить долгосрочные планы.

А вот Константин, реально намного старше, чем он выглядит, наоборот показал, что не зря уже пережил несколько составов таких вот групп. Он, с его звериным чутьем опасности, сразу задал тот самый вопрос, который она ожидала. Девушка знала, что именно Константин был в курсе их основного задания и являлся одним из контролеров со стороны Хозяина.

— Медея, за тобой никто не шел? — он принципиально не называл по именам, а пользовался кличками.

— Вроде нет. Несколько раз проверялась, но ничего особо интересного.

— Но ведь тебя все равно что-то насторожило, — весьма пронизательно, но при этом мягко настаивал боевик.

— Есть пара моментов.

Константин блеснул глазами, он как никто был заинтересован выполнить задание в этом мерзком русском городишке.

— Говори, ты сама знаешь, что многие вещи идут только на интуиции.

— Хорошо. Видела несколько раз странного босняка. Вроде не в себе. Часто вроде как разговаривает сам с собой, что-то шепчет.

— Ну, очередной убогий, чем тебя заинтересовал?

— Взгляд. Взгляд абсолютно осмысленный, не свойственный убогому. Да так смотрит, как будто через прицел, такое ни с чем не перепутаешь. Очень похож на мокрушника.

— Он крутился возле князя?

— Да вот как раз нет. Я специально смотрела, к князю он ни разу не приближался.

— Твое мнение?

— Может, местный или пришлый деловой, но очень бы не хотелось с ним встречаться.

— Хорошо, а второй?

— Тоже совсем близко встретился, вроде приказчик или какой-нибудь мастеровой, вот только чуб казацкий да выправка строевая.

— Хм. Думаешь, по нашу душу? Солдат или полицейский?

— По наглому взгляду больше похож на полицейского, но смотрел как на шлюху, может, и привиделось. Хотя в окружении объекта нашего интереса было несколько полицейских из казаков. Но где Мценск, а где Яренск. Хотя с этими все может быть.

— Все равно, Медея, возьми на заметку. Твоя интуиция и память уже пару раз нас спасали...

— А это не ваш ли казачок там? — вмешался в разговор куафер, который все это время молча стоял возле ширмы, прикрывающей выход в зал, и сквозь щель посматривал на стеклянные окна парикмахерской, контролируя обстановку.

Девушка, сделав пару шагов, заменив куафера, быстро посмотрела сквозь щель и выдала свой вердикт:

— Да, это он.

Подошедший Константин тоже глянул, отметив развитую мускулатуру, больше свойственную воину, и стать человека, который, стоя у витрины, с большим интересом осматривал пустую парикмахерскую, куда только-только зашла девушка. Польский боевик отметил и армяк, заворотом которого точно был спрятан револьвер, и странный черный шнурок, тянущийся к уху неведомого соглядата. С образом мастерового, которого он из себя корчил, это никак не вязалось, поэтому нужно было принимать решение. То, что куафер засвечен и много слышал и видел, было ясно, что по выполнению задания его нужно будет кончать — слишком многое стоит на кону. Им предстоит великое деяние, и на пути к этому любые жертвы оправданны. Если надо будет, то он и Вацлавом и Адамом пожертвует, а уж если прижмет, то и Агнешкой, поэтому, чтобы избежать ненужных жертв, придется действовать быстро и решительно.

— Медея, спокойно выходишь и идешь вперед по улице, останавливаешься около булочной. Мы тебя обгоняем и прячемся в проулке рядом с трактиром. Заходишь туда, ведешь за собой хвост. Тут мы его и берем.

— Будем убивать? — с предвкушением спросил Вацлав.

— Да, но сначала нужно задать вопросы. Слишком мне эта возня не нравится, особенно перед большим делом. Да и казачок этот тоже непростой, чувствую, будут с ним проблемы.

Константин как в воду глядел. Да, полицейский, а это был он, оказался молодым да глупым и пошел, как телок, за Агнешкой в расставленную ловушку, вот только схватить его просто так не получилось, уж больно ловок оказался. Он быстро смекнул, что попал в ловушку, и лихо раскидал Вацлава и Адама, которые сразу ринулись на него с разных сторон, при этом жестко отвечая короткими ощутимыми ударами. Казачок все время ловко перемещался, делая так, что нападающие мешали друг другу и выстраивались один за другим, при этом он четко и профессионально бил хорошо поставленными ударами своих противников. Когда-то Константин по заданию Хозяина помогал горцам на Кавказе воевать с русскими и несколько раз сталкивался с пластунами, и именно такое он видел, поэтому, быстро оценив уровень противника, он в несколько прыжков сократил дистанцию, неожиданно оказавшись за спиной казачка, и двинул ему по затылку короткой палкой.

Нашумели они знатно, поэтому пришлось хватать полицейского и срочно тащить в близлежащий дом купца Пиденко, который, по словам куафера, сочувствовал их делу.

Уже вечером, когда пленника затащили в подвал и привязали к стулу, они смогли нормально его обыскать, и тут тоже не обошлось без сюрпризов.

Полицейский револьвер Смит-Вессона не сильно их удивил, а вот документы и отпускное предписание, выписанные на конного стражника яренской уездной полиции Антона Алексеевича Еремеева, вызвали шок у Агнешки.

— Яренск! — в сердцах воскликнула она.

И только Константин ее понял. Если здесь яренский полицейский, значит, где-то рядом находится и предмет интереса их и их Хозяина — Катран, легендарная и очень опасная личность для их дела. Именно, чтоб собрать хоть какие-то крохи информации, они столько времени следили за князем, а тут в Мценске за ними самими уже следит человек Катрана. Это был фактически провал и приговор всей группе, ибо Хозяин всегда жестко рубил любые ниточки, которые могли привести к нему.

Константин переглянулся с Агнешкой, которая тоже все прекрасно поняла, но надо продолжать дело, и они снова вернулись к осмотру вещей захваченного полицейского, вдруг найдут что-то более интересное и ценное, чем можно будет перед Хозяином компенсировать свой провал.

Странный черный шнурок у него умудрились вырвать из уха во время драки, и он был из какого-то необычного черного мягкого материала, но большее внимание привлекла странная черная коробочка с длинным штырьком. На ней английскими буквами было вытиснено странное название «Baofeng» и какие-то разноцветные кнопки с нанесенными на них буквами и цифрами. Все это выглядело настолько необычно и чужеродно, что Агнешка поняла — вот оно, хоть что-то из вещей Катрана, про которого ходят легенды, что он вроде бы даже пришел из другого мира, карать отступников и преступников.

Прошло минут пять, в подвал спустился купец Пиденко, в волнении интересующийся, что ему ожидать от таких странных гостей. Он на всякий случай отослал подальше своих детей, чтоб они не увидели и не услышали чего лишнего. И тут в самый разгар неожиданно зашипела та самая черная коробочка с надписью «Baofeng» и понятным, но немного искаженным человеческим голосом заговорила:

— Сокол-Один, Сокол-Один, ответьте Гнезду. Сокол-Один, Сокол-Один, ответьте Гнезду.

Прошло несколько мгновений, и в подвале установилась мертвая тишина — никто ничего подобного никогда

не видел и не слышал. По прошествии минуты коробка снова заговорила:

— Сокол-Два, Сокол-Три! Сокол-Один дискредитирован, переходим на резервную волну. Подтвердить прием на резервной волне.

И все, замолчала, но этого было достаточно, чтобы бледный и перепуганный Вацлав схватил эту коробку и со всего размаха бросил об пол. Она развалилась на две части и больше не шипела и не говорила. Но и того, что они услышали, хватило, чтоб вызвать чувство страха у всех находящихся в комнате.

Пока полицейский не пришел в себя, Константин с Агнешкой отошли в сторону, чтоб обсудить сложившуюся ситуацию.

— Ты когда-нибудь видела такое и представляешь, что это?

Она отрицательно замотала головой.

— Я тоже, но теперь представляю, что это может быть.

— Что? — с интересом встрепенулась девушка.

— Это что-то вроде телеграфа, но без проводов, по которому можно переговариваться голосом. Ты сама слышала.

Она думала несколько мгновений.

— «Сокол-Один» — это этот полицейский?

— Очень похоже, и если предположить, что этот дьявол Катран где-то рядом, то они уже знают, что мы захватили его человека, и будут его искать.

— Но как? Мы ж вроде не оставили следов?

— Я тоже так думаю, но уже ни в чем не уверен, и мне кажется, что слухи, что Катран пришел из другого мира, не такие уж и вздорные.

— Так что, Константин, будем делать?

— Делать? Надо заметить следы. Отсидимся тут до утра, попытаемся выбить, что сможем, из этого казачка, и утром будем выбираться из города.

Куафера, вопреки его желанию поприсутствовать на допросе плененного полицейского, отправили дежурить

на улицу, а Вацлав сходил наверх, «проведал» купца. Когда он вернулся, на вопросительный взгляд Константина он криво усмехнулся, демонстративно вытер окровавленный нож об армяк полицейского и фыркнул:

— Все нормально, купец и его жинка никому ничего не расскажут.

Дальше пояснений не нужно было никому.

Потом в себя пришел полицейский, и его долго и усердно избивали, пытаясь выбить хоть какие-то крохи информации, но тот только ругался матом и разбитыми губами приговаривал:

— Он вас найдет и накажет. Никто от него еще не уходил.

На попытки выдавить чуть больше он только выговорил:

— Вы сами его вызвали своей злобой и своими преступлениями, теперь не жалуйтесь.

Прошло несколько часов, все уже порядком устали, да и нервозность обстановки накладывала свой отпечаток.

Вацлав, оттирая от крови разбитые кулаки, обратился к самому младшему члену их группы:

— Адам, иди, смени этого... как бы он не заснул там под утро.

И Константину и Агнешке не понравилось такое вот отношение, да и сам факт нарушения субординации в отряде вызвал раздражение, ну и конечно соответствующие выводы, которые впоследствии должны были вылиться для Вацлава в летальные неприятности.

Адам с фонарем в руке уже стал подниматься по лестнице, когда услышал какие-то шаги в доме, и вполголоса позвал куафера:

— Анджей, это опять ты в уборную бегаешь и пост покидаешь?

И тут же испуганно воскликнул:

— Езус Мария!

Но ни выстрелов, ни криков не было. Вроде кто-то хлопнул в ладоши три раза, во всяком случае, звук был